

А. М. Камчатнов

У истоков русского исторического словообразования:

Александр Семенович Шишков

Словообразование как относительно самостоятельная научная дисциплина сформировалось в 60-70-е годы XX века; его основы были заложены трудами Г. О. Винокура, развиты в работах А. Н. Тихонова, Н. М. Шанского, Е. А. Земской, И. А. Ширшова и их многочисленных последователей. В теоретическом плане этот период в истории отечественного языкознания характеризовался господством идей Ф. де Соссюра, дихотомии которого (язык и речь, синхрония и диахрония) были возведены едва ли не в догмы научного мышления. По неисповедимой прихоти судьбы словообразование, само название которого указывает на *процесс образования слов*, стало разрабатываться почти исключительно в рамках синхронического подхода. Робкие попытки подойти к проблеме словообразования с позиций диахронии, не говоря уже об историзме, оказывались на периферии и до сих пор несут на себе печать маргинальности.

В итоге к настоящему моменту мы имеем несколько словообразовательных словарей, написанных с позиций синхронии¹, и ни одного историко-словообразовательного словаря. Если необходимость в таком словаре для науки и культуры сомнений не вызывает, то и методы историко-словообразовательного анализа, и принципы построения такого словаря все еще остаются предметом научной дискуссии. В виду этого представляется целесообразным обратиться к опыту предшественников, чтобы поучиться и на их ошибках, и на их достижениях. Одним из пионеров исторического словообразования был А. С. Шишков.

Недостаток места не позволяет говорить о научном контексте, в котором сформировались взгляды Шишкова, однако нельзя не отметить того, что источником вдохновения для него был, во-первых, созданный по инициативе Екатерины II «Сравнительный словарь всѣхъ языковъ и нарѣчій, по азбучному порядку расположенный» (Ч. 1-4. СПб., 1790-1791) и, во-вторых, «Словарь Академии Российской» (Ч. 1-6. СПб., 1789-1794), ставший самым значительным явлением русского языкознания XVIII века. Не останавливаясь на прочих аспектах этого выдающегося явления, укажем лишь на гнездовой, или, как говорили в то время, на словопроизводный (этимологический) порядок расположения слов. Составители стремились включить в гнездо все слова, имеющие один этимологический корень: и активно употребляющиеся в современном языке того времени, и давно вышедшие из употребления древнерусские и церковнославянские слова. Это было правильно, так как вышедшие из употребления слова могли быть звеньями словообразовательных цепей; изъятие этих звеньев, принятое в современном синхронном словообразовании, способно лишь создать ложное представление об окончательной утрате смысловых связей между производящими и производными словами и исказить реальный процесс образования слов.

Таким образом, Словарь был задуман не только как справочное пособие по семантике слов, но и как инструмент для установления и исследования словообразовательной структуры русского языка. Словопроизводный принцип

¹ Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка. Т. 1-2. М., 1985; Кузнецова А. И., Ефремова Т. Ф. Словарь морфем русского языка. М., 1986; Ширшов И. А. Толковый словообразовательный словарь русского языка. М., 2004.

организации словаря ставил общую проблему границ гнезда. Если в одних случаях родственность слов, их происхождение от одного корня вполне очевидны, то в других случаях было много неясного. Это в свою очередь вынуждало искать аргументы в пользу родственности тех или иных слов, то есть выработать общие принципы этимологизирования.

В 1796 г. А. С. Шишков стал членом Российской Академии и сотрудником Словаря. С этого момента и до конца жизни идея создать словопроизводный словарь русского языка была любимейшей мыслью Шихкова, и он немало потрудился над тем, чтобы выработать общие принципы построения такого словаря, а также положить практическое начало созданию этого словаря.

Теоретические взгляды Шихкова и его практические решения очень легко подвергнуть критике, однако наша задача заключается, во-первых, в исторической оценке идей Шихкова и, во-вторых, в установлении того ценного, что не потеряло своего значения и в наши дни.

Первой проблемой словопроизводного словаря является определение границ гнезда, а также определение значения производных слов. В САР состав гнезда определялся на интуитивном уровне, а лексическая семантика слова описывалась без выделения в ней специально словообразовательного значения. А. С. Шихков был первым, кто пытался дать теоретическое решение этих вопросов и тем самым стал основоположником теоретического словообразования в России. Если попытаться максимально кратко изложить теоретические положения словообразовательной теории Шихкова, то получим следующее.

1. *Словообразовательная структура слова.* В структуре слов Шихков выделяет корни, окончания и предлоги [см.: 1: 2]. Как видим, он терминологически не различает предлоги и приставки, и с этимологической точки зрения это верно, ибо приставки – это не что иное, как предлоги, которые пишутся слитно с корнем.

«Корень содержитъ въ себѣ общее понятіе или значеніе, которое сообщаетъ онъ всѣмъ происходящимъ отъ него вѣтвямъ» [1: 2]. Корень сам по себе еще не есть слово; он становится словом только тогда, когда к нему присоединяется окончание; в то же время слово без корня тоже не есть слово, ибо без корня оно не имеет значения, и обратно: «если слово означаетъ особенно какую нибудь вещь, то оно не есть уже корень, но произведенная отъ него вѣть» [3: 4].

2. *Словообразовательная структура языка: корень – ветвь – колено – дерево.* Корень пускает от себя ветви. Ветвями, как не трудно догадаться, Шихков называет произведенные от корня слова: «Подъ именемъ *вѣтви* разумѣтся слово, произведенное отъ корня, или, что тожъ самое: слово составленное изъ корня и окончанія» [3: 4]. Ветви могут весьма существенно различаться по значению, но тем не менее сохраняют в себе основное понятие, заключенное в корне.

К понятию ветви близко понятие колена: «*Колѣномъ* называемъ мы, когда изъ двухъ или многихъ вѣтвей, отъ одного корня произшедшихъ, каждая изъ нихъ пускаетъ отъ себя свои собственныя» [3: 6]. Есть соблазн перетолковать это определение в современных терминах: коленом называются слова, произведенные от производного, то есть слова второй, третьей и так далее ступеней производства. Отчасти это верно, но не совсем: во-первых, Шихков считал одним коленом производящее слово вместе с непосредственно от него произведенными ветвями, то есть, образно говоря, отца с его собственными детьми; во-вторых, главным средством образования новых колен он считал не

приставки и окончания, а изменения самого корня: «Такъ, напрымѣръ, въ глаголахъ *звонить* и *звѣнѣть*, корень *звон* измѣнился въ *звѣн* (т. е. перемѣнилъ только гласную *о* на гласную же *ѣ*), и сталъ означать тоже понятіе о звонѣ, но въ нѣкоемъ уменьшенномъ видѣ; ибо глаголъ *звѣнѣть* представляетъ намъ не иное что, какъ тотъ же самый звукъ, но гораздо нѣжнѣшій или тишайшій того, который изъявляется глаголомъ *звонить*. И такъ измѣненіе корня раждаетъ нѣкое измѣненіе и въ понятіи. Отсюда каждый изъ сихъ глаголовъ пускаетъ свои вѣтви и составляетъ свое колѣно. Отъ перваго непосредственно принадлежащія къ нему вѣтви суть: *звонить*, *звонъ*, *звонкость*, *звонарь*, и пр. Отъ втораго: *звѣнѣть*, *звѣнящій*, *звѣненіе*, *звѣно* (въ цѣпи), и проч.» [3: 7].

Все слова, «выросшие» из одного корня, называются деревом: «Подъ словомъ *дерево* разумѣемъ мы всѣ вообще вѣтви изъ одного и того же корня изшедшія, на многія колѣна раздѣляющіяся, и всѣ вмѣстѣ составляющія то, что уподобляя естественному дереву называемъ мы симъ именемъ» [3: 8-9]. Каждая словарная статья словопроизводного словаря должна быть, по мысли Шишкова, описанием отдельного дерева со всеми его ветвями и коленами.

3. *Средства словопроизводства; семантика приставок.* В производных общее понятие, заключенное в корне, разделяется на ряд частных понятий «трия средствами: 1 е, помощію окончаній, 2 е, помощію предлогов, 3 е, помощію измѣненій самага корня» [1: 2]. Окончаниями Шишков называет всю ту часть слова, которая следует за корнем; при этом он не отличает формообразования от собственно словообразования: так, от корня *бит* при помощи окончаній *ь*, *ый*, *ъ*, *ва*, произведены слова «*бить*, прилагательное *битый*, усеченное *битъ*, имя *битва*» [1: 3].

Хотя «окончанія весьма много способствуютъ къ составленію языка, то есть мы помощію ихъ извлекаемъ изъ корня великое количество словъ, нужныхъ намъ для объясненія нашихъ мыслей» [1: 3], однако этого средства еще недостаточно, и ум человеческий прибегаетъ «къ другому средству, и именно къ предлогамъ, и помощію ихъ изъ многихъ вышешоказанныхъ нами вѣтвей производитъ новыя вѣтви, то есть изъ *бить*, *битый*, *битъ*, прикладывая къ нимъ предлоги, дѣлаетъ слова: *вбить*, *прибить*, *отбить*, *разбить*, *убить*, и проч.; *вбитый*, *прибитый*, *отбитый*, *разбитый*, *убитый*, и проч.; *вбитъ*, *забитъ*, *набитъ*, *обить*, *отбить*, *прибить*, *разбить*, *убить*, и проч.» [1: 3-4].

Исследуя свойства приставок («предлогов»), Шишков ставит вопрос об их значении и приходит к верному выводу, что они «сами по себѣ, отдѣльно отъ именъ, не имѣютъ существеннаго значенія, то есть не показываютъ никакого опредѣленнаго предмета» [1: 6], но при этом все же имеют некое собственное значение, которое можно назвать относительным: «Они не означаютъ вещи, но означаютъ обстоятельство многимъ вещамъ общее» [1: 7]. Так, «сказавъ: *на столъ*, *въ столъ*, *за столомъ*, *подъ столомъ*, мы тотчасъ представляемъ себѣ при одномъ изъ сихъ выраженій *верхъ*, при другомъ *внутренность*, при третьемъ *бокъ*, при четвертомъ *низъ* сего стола: тожъ самое понятіе простираемъ и на всѣ другія вещи: *на деревъ*, *въ деревъ*; *на камнъ*, *въ камнъ*, и проч.» [1: 7].

Третьим средством умножения ветвей корня Шишков назвал изменения в самом корне, и на этом нужно остановиться несколько подробнее. Логика рассуждений Шишкова такова. Возьмем слова *воспалить*, *пылать*, *пламя*, *поломя*, и проч.; очевидно, что это однокоренные слова, так как имеют одно и то же значение, хотя в каждом из них корень имеет особый вид: *пал*, *пыл*, *пл*, *пол*. Далее Шишков замечает, что изменяющейся частью в этих корнях является гласная

«буква», следовательно она не имеет отношения к выражаемому этим корнем значению, которое сосредотачивается в согласных звуках; иначе говоря, в данном случае действительным корнем является сочетание *пл*. Рассмотрев этот и ряд других примеров, Шишков приходит к общему выводу о том, что собственно корнем всегда являются лишь согласные «буквы» [см. 4: 86-87]. Этот вывод, как будет показано ниже, имел некоторым образом роковые последствия для всей словообразовательной теории и практики Шишкова.

Говоря об общих семантических свойствах «предлогов», Шишков обнаруживает в них способность к перфективации глаголов: «Всякой предлогъ, приставленный къ глаголу, показующему единократное и неокончательное дѣйствіе, перемѣняетъ оное въ окончательное или совершившееся» [1: 9]: *пить – выпить, запить, пропить, распить; просить – выпросить, упросить* и проч.

Рассуждая о приставке *безъ*, Шишков отмечает ее основное значение: «Предлогъ сей означаетъ всегда отрицаніе» [1: 12], а также пронизательно указывает на способность к немотивированному словообразовательной структурой расширению семантики производного слова: «Напримѣръ *безъ дна* и *бездна*. Оба сіи выраженія составлены изъ однихъ и тѣхъ же словъ, то есть изъ предлога *безъ* и имени *дно* (въ род. *дна*), съ тою только разностию, что въ первомъ случаѣ предлогъ отдѣленъ, а въ другомъ соединенъ съ именемъ <...> Отсюда происходитъ, что хотя оно въ первоначальномъ смыслѣ своемъ точно тоже значить, что и *безъ дна* (т. е. нѣтъ дна); однако уже, какъ существительное имя, получаетъ новый гораздо обширнѣйшій смыслъ, такъ что болѣе подъ симъ новымъ смысломъ своимъ, нежели подъ настоящимъ прежнимъ разумѣется. Мы говоримъ *бочка безъ дна*, но не можемъ сказать *бочка бездна*, и ежели скажемъ *бочка есть бездна*, то скажемъ совсѣмъ не то, что сказываемъ, когда говоримъ: *бочка безъ дна*; ибо слово *бездна* въ семъ новомъ видѣ своемъ, то есть въ соединеніи предлога съ именемъ, не просто уже представляетъ намъ какую нибудь вещь, не имѣющую дна, но означаетъ величайшее, безпредѣльное пространство, или по крайней мѣрѣ такое, которое по чрезвычайной глубинѣ онаго воображаемъ мы безпредѣльнымъ» [1: 12-13].

Наконец, существенны замечания Шишкова о синонимичных отношениях приставок *безъ* и *не*: с одной стороны, «столько же можно сказать: *онъ человекъ неденежный*, сколько и *безденежный*; столько же *неснѣжная*, сколько и *безснѣжная зима*», но с другой стороны, «нѣкоторыя слова приѣмлютъ частицу *не*, и отмѣтаютъ предлогъ *безъ*, какъ то: *недругъ, небылица, непріятель, нечетъ, небывалый, неосторожный*, и проч. Другія же напротивъ приѣмлютъ предлогъ *безъ*, и отмѣтаютъ частицу *не*, какъ то: *безобразный, безногий, безводный, безродокъ, безчаденъ*, и проч.» [1: 15].

В рассуждении о приставках *вы* и *изъ* также указываются особенности их значения, употребления, стилистические свойства. Что касается последних, то любопытны два замечания Шишкова.

«Вообще предлогъ *вы* приличенъ болѣе простому, а предлогъ *изъ* важному слогу; и потому всѣмъ простымъ или обыкновеннымъ словамъ свойственнѣе предлогъ *вы*: *выплываю, вылезая, выползаю. вычетъ, выласка, выносъ*, и проч. Напротивъ того всѣмъ высокимъ или важнымъ словамъ свойственнѣе предлогъ *изъ*: *извергаю, исторгаю, извлекаю, изваянный, источникъ, извѣтъ*, и проч. Весьма бы странно было къ важному слову (напримѣръ *влечь*) придать предлогъ *вы*, и вмѣсто *извлечь* сказать *вывлечь*; равнымъ образомъ столько же бы странно и несвойственно было къ простому слову (напримѣръ *тащить*) придать предлогъ

изъ, и вмѣсто *вытащить* сказать *изтащить*. Естьли и случится, что къ одному и тому же имени или глаголу можно приложить и тотъ и другой предлогъ, то одинъ изъ нихъ приличнѣе простой, а другой возвышенной рѣчи: *выкупить закладъ, искупить изъ плѣна; выпить стаканъ воды, испить чашу бѣдствій; вырыть изъ земли камушекъ, изрыть недругу ровъ*» [1: 21].

«Предлогъ *изъ* часто, а особливо въ возвышенномъ слогѣ, замѣняется предлогомъ *отъ*. Въ священномъ писаніи и другихъ высокихъ стихотвореніяхъ находимъ мы множество тому примѣровъ: *да сотвориши свѣтильникъ отъ злата чиста*. (Исх. гл. 25. ст. 31). *Да сотвориши покровъ скинѣи отъ кожъ овнихъ червленыхъ*. (тамъ же гл. 26. ст. 31). *И вся сосуды ихъ, яже сотвори Хирамъ, и принесе Царю Соломону въ домъ Господень, отъ мѣди чистыя*. (Паралип. гл. 4. ст. 16). *Положилъ еси на главъ его вѣнецъ отъ камене честна*. (Псал. 20. ст. 14)» [1: 27].

4. *Язык и наречия*. Важной особенностью всей лингвистической теории Шишкова является то, что русский языкъ наряду с сербским, чешским, польским и др. являются собственно не языками, а наречиями «славенского» языка. Основанием для такой точки зрения служит то, что словарь этихъ наречий во многом схож, а различия касаются главнымъ образомъ фонетики и грамматики. Те же различия, которые все же существуютъ между наречиями, не только не мешаютъ, но, напротив, помогаютъ в созданин словопроизводного словаря: «Итакъ слово *Славенскій языкъ* я смѣло простираю на всѣ его нарѣчія, и сіе необходимо нужно мнѣ для опредѣленія словъ, для отысканія корней ихъ и обогащенія собственнаго моего нарѣчія, то есть Рускому Рускаго, Поляку Польскаго, и такъ далѣе» [3: 6]. Привлечение инославянскаго лексическаго материала можетъ помочь в решении следующихъ задачъ: 1) в отысканіи утраченнаго русскимъ наречіемъ корня, 2) в опредѣленіи его значенія, 3) в опредѣленіи значенія той или иной ветви, то есть производнаго слова, 4) в реконструкціи словопроизводныхъ связей в пределахъ словообразовательнаго древа. То же нужно сказать и об устаревшей лексикѣ, извлекаемой изъ памятниковъ письменности. Так, глаголъ *лезть* в летописи имелъ значеніе 'идти'; «хотя глаголъ сей въ семъ смыслѣ болѣе не употребляется, но естьли мы не объяснимъ онаго, то многія нынѣ употребляемая слова, отъ сего самаго смысла произшедшія, будутъ для насъ невразумительны. Мы говоримъ: *прилезъ къ горлу, лезетъ драться* (т. е. идетъ, приступаетъ). *Волосы лезутъ* (т. е. выходятъ). *Сдѣлать вылазку* (т. е. выдти изъ города). *Насилу онъ отъ него улизнулъ* (т. е. улезнулъ, ушелъ). Всѣ сіи выраженія не могутъ имѣть достаточной ясности, когда не будетъ объяснено прежде значеніе глагола *лезу* можетъ объяснить» [3: 28-29].

Более того, иноязычные родственные слова также могутъ прояснить особенности русскаго словообразованія. Примеромъ такого рода могутъ служить следующие рассужденія Шишкова по поводу русск. *малый* и лат. *malus*: «Сіе на разныхъ языкахъ слово есть точно тоже, что и у насъ *мало*; но у нихъ означаетъ оно болѣе *худость, зло*, нежели *малость*. Мы отъ корня *мал-* произвели вѣтви: *малый, маленькій, малютка, мальчикъ*, и проч. Они (говоря о Латинскомъ языкѣ, мы вмѣстѣ говоримъ и о прочихъ; ибо оныя не иное что суть, какъ весьма близкія нарѣчія онаго) отъ того же самаго корня *mal* произвели вѣтви: *malitas, malignitas, malitia*, и проч. означающія пороки, зло, худость, черноту души. Причина сей разности въ произведеніи отъ одного и того же корня толь различныхъ между собою вѣтвей есть слѣдующая: Латинцы для выраженія того, что мы разумѣемъ подъ словомъ *мало*, имѣютъ другое слово *parvum*; мы для выраженія того, что они

разумѣютъ подѣ словомъ *male*, имѣемъ инья слова: худо, зло. Отселѣ одинъ и тотъ же общій у насъ съ ними корень *mal-* и *mal-*, у насъ остался больше при понятіи о *малости*, а у нихъ перешелъ больше къ означенію понятія о *худости* или *злѣ*. Но сіе не могло бы сдѣлаться, естлибѣ сїи два понятія, *мало* и *худо*, не имѣли между собою смежности, какъ въ ихъ, такъ и въ нашемъ языкѣ. Разсмотримъ сію смежность. Латинецъ, не взирая на переходъ слова своего *male* въ понятіе о *худости*, разумѣетъ иногда подѣ нимъ тоже, что и мы подѣ своимъ *мало*; мы подѣ словомъ своимъ *мало*, не взирая на главное въ немъ понятіе о *малости*, разумѣемъ иногда тоже, что и Латинецъ подѣ своимъ *male* т. е. *худость*. Латинцы въ словаряхъ своихъ при разныхъ реченіяхъ объясняютъ иногда слово *male* словами *non multum* (не много), какъ на примѣръ: *facundum sed male forte genium: краснорѣчивый, но малосильный умъ*. (см. Целларіевъ словарь). Въ сложныхъ словахъ ихъ смѣшеніе понятій о *малости* и *худости* вездѣ видно, ибо ежели они говорятъ: *maledico* (злословлю, проклиная), *malefactor* (злодѣй, преступникъ), *malevolus* (зложелательный, завистливый), и проч.; то говорятъ также и *malefidus* (маловѣрный, невѣрный), *malesanus* (маоумный, безумный) *malebarbis* (малобородый, у котораго борода мала), и проч. Въ нашихъ вѣтвяхъ сїи понятія также часто смѣшиваются, а имянно: когда говорится о простыхъ (ненравственныхъ) вещахъ, какъ на примѣръ *малорослый, малолѣтній, маловременный*, и проч., то разумѣется одна *малость* (безъ худости); когда же говорится о вещахъ, относящихся къ душевнымъ свойствамъ, утверждая недостатокъ оныхъ, какъ то: *малодушіе, малоуміе, маловѣріе*, и проч., тогда при словѣ *малость* подразумѣвается вмѣстѣ и *худость* или *зло*, поелику при отрицаніи добра естественно раждается понятіе о злѣ. Равнымъ образомъ и *худость* принимается иногда за *малость*, какъ на примѣръ *худорослый*, есть тоже, что *малорослый*, и проч. Латинское *male audire* есть столькоже *мало слышать*, сколько и *худо слышать*. Италіянское *malvolentieri* есть столькоже *маловольно, малоохотно*, сколько и *худохотно* или *неохотно*. Французское *malcontent* есть столькоже *малодоволенъ*, сколько и *худо доволенъ* или *недоволенъ*» [3: 16-20].

И даже если с современныхъ позиций слова являются неродственными, методологическая ценность самого подхода от этого не уменьшается; кроме того, порой нельзя не удивляться остроумию шишковскихъ решений: «Равнымъ образомъ естли и производное (не составное) возьмемъ слово, то сколь ни разныя въ двухъ языкахъ представляетъ оно понятія, на примѣръ наше слово *малина* (ягода) и Французское *malin* (злой, не чистой духъ), но корень и первоначальная мысль въ сихъ двухъ словахъ суть совершенно одинаковы; ибо какъ мы свое *малина* произвели отъ понятія о *малости частей* составляющихъ сію ягоду, такъ и они свое *malin* произвели отъ тогожъ понятія о *малости добра*, естественно переходящемъ въ понятіе о *худости* или *злѣ*» [3: 24-25].

Теперь на примере одной статьи посмотримъ, какъ следуетъ, по Шишкову, составлять словопроизводный словарь. Наиболее полной в этомъ отношении является статья, посвященная корню *въщ-*.

Какъ говорилось выше, основнымъ средствомъ умножения ветвей корня Шишков считалъ изменения гласного звука в самомъ корне. Следуя этому принципу, Шишков выделяетъ шесть коленъ корня *въщ-*:

Первое колено. Вѣщ-/вѣт-/вѣст-/бѣщ-/бѣт-/бѣт-: *въщать, въщій, въщунъ, вътія, въсть, обѣщать, обѣтъ, отвѣчать* и др.

Второе колено. Вѣт-: *свѣтъ, свѣтлый свѣтило* и др.

Третье колено. Вят-/вящ-: *святъ, святыня, освящать, посвященіе* и др.

Четвертое колено. Вѣст-/вѣч-/вѣл-: *цвѣтъ, цвѣсти, цвѣченіе, цвѣль* и др.

Пятое колено. Вѣд-/вѣж-: *вѣдать, вѣдомость, вѣжливый* и др.

Шестое колено. Вид-/вижд-/виж-/вист-: *видѣть, видимость, невидаль, ненавижду, передвижу, ненависть* и др.

Не отличая словообразования от формообразования, Шишков насчитывает во всех коленах 755 слов.

С позиций современных этимологических знаний весь этот конгломерат представляет собой не шесть колен одного корня, а 5 разных корней, восходящих к следующим праславянским архетипам:

а) *vid- 'видеть' / *vĕd- 'знать' > вид-/виж-/вис- // вѣд-/вѣжд-/вѣж-/вѣс (*видѣть, вижу, зависть; вѣдать, невѣжда, вѣжливый, вѣсть*);

б) *vĕt- 'говорить' > вѣт-/вѣщ-/вѣч-/ѣт-/ѣщ- (*отвѣтъ, вѣщать, привѣчать, обѣтъ, обѣщать*);

в) *svent- 'святой' > свят-/свящ-/свяч- (*святой, посвящать, свяченый*);

в) *kvoit- 'цвет' > цвѣт-/цвѣс- (*цвѣтъ, цвѣсти*);

г) *svĕt- 'свет' > свѣт-/свѣщ-/свѣч- (*свѣтъ, освѣщеніе, свѣча*).

Если учесть глубокую древность семантического перехода *vid- 'видеть' > *vĕd- 'знать' и признать *vid- и *vĕd- разными корнями, то получится, что Шишков в целом верно выделил шесть колен, хотя и признал их коленами одного корня. Возникает два вопроса: 1) что заставило его объединить эти слова в одно дерево? 2) как он объясняет смысловые и фонетические изменения исходного корня?

Ответ на первый вопрос довольно сложен: Шишков испытывал какую-то маниакальную страсть к минимизации исходного количества корней, хотел связать словообразовательными связями возможно большее количество слов, желая тем самым увидеть общую мысль, пронизывающую и объединяющую эти слова. Возможно, это следует назвать преувеличением от увлечения.

Ответ на второй вопрос сложнее, но и интереснее.

Выше мы уже затрагивали вопрос о природе и сущности корня, а именно говорили, что с точки зрения Шишкова существенное значение имеют не все звуки, а главным образом согласные, но и из них не все, а только те, которые остаются неизменными во всех однокоренных словах. Так, в словах *умирать, умереть, мертвый, смертный, безсмертіе, моръ, умора, обморокъ* и проч. неизменны только два согласных звука: *мр*; они-то и являются корнем всех указанных слов. Не имея еще представления о природе чередований гласных и согласных звуков (как не имел их и никто из его современников), Шишков без тени сомнения пишет о прибавлениях, утратах «букв» и переходах одной «буквы» в другую. Так, «въ словѣ *цвѣтъ* буква *ц* хотя не есть собственно предлогъ, однако заступает мѣсто онаго»; «буква *ц*, въ словѣ *цвѣтъ*, есть измѣненіе буквы *с*, составляющей предлогъ въ словѣ *свѣтъ*» [2: 81]. «Въ третьемъ колѣнѣ примѣчаемъ, что буква *ъ* измѣняется на букву *я*, и потому корень *вѣщ* или *вѣт* дѣлается *вящ* и *вят*» [2: 101]. «Въ пятомъ колѣнѣ примѣчаемъ измѣненіе буквы *т* въ *д*, такъ что изъ *вѣт* корень дѣлается *вѣд* и *вѣжд* или *вѣж*» [2: 101]. В некоторых случаях интуиция не подводит Шишкова, и он верно замечает, что корень *вѣщ* измѣняется въ *бѣщ*. «Сіе доказывається глаголомъ *обѣщаю*, которой сокращенъ изъ глагола *обвѣщаю*, поелику *обѣщаніе* есть не иное что, какъ *обвѣщаніе*, то есть данное, сказанное, объявленное, выпущенное изъ устъ слово, глаголъ, рѣчь, сказаніе, вѣщаніе. Итакъ корень *бѣщ* есть тотъ же самый *вѣщ*, принявшій вмѣсто начальной буквы *в*, послѣднюю изъ буквъ предлога *об*» [2:

100]. В качестве аргумента Шишков приводит убедительную аналогию: «Мы можемъ и въ другихъ словахъ тожъ самое сокращеніе замѣтить, то есть, что буква *в* выпускается, когда стоитъ передъ нею буква *б*, какъ то говоримъ *обоняніе* вмѣсто *обвоняніе* (ибо слово *сіе* составлено изъ предлога *об* и имени *воня*, запахъ); *объсиша* вмѣсто *обвъсиша*: *на вербіихъ посредь его объсихомъ органы наша* (Псал. 136, 6); *ободъ* вмѣсто *обводъ*, и проч.» [2: 100].

Как видим, фонетические изменения мало волнуют Шишкова, он с ними расправляется с легкостью необыкновенной. Главное для него — семантика, общность смысла: во всех шести коленах корень один и тот же, «поелику при всѣхъ своихъ измѣненіяхъ сохраняетъ одну и ту же первоначальную или смѣжную съ нею мысль» [2: 102]. Что же это за первоначальная мысль и как она переходит в смежные?

Так как в первом колене объединены действительно однокоренные слова, то объяснения Шишкова носят не только верный по содержанию, но и изящный по форме характер, и в последнем отношении у него можно многому научиться. Приведем пример. «Напримѣръ *въщать* (говорить) и *благовѣститъ* (звонить въ колокола) суть два весьма различныя понятія; но изъ *въщать* дѣлаемъ мы *возвъщать* и *возвъститъ*: слѣдовательно и *благовѣститъ*, хотя и относимъ мы иногда къ звону колоколовъ, однакожъ собственно подъ симъ словомъ разумѣемъ *благое въщаніе*, *благую вѣсть*, относя сіе понятіе къ колоколамъ для того только, что звонъ ихъ есть не иное что, какъ звукъ, или гласъ или *въщаніе*, призывающее насъ на молитву и потому *благое*» [2: 103]. Из этого и другихъ примеров Шишков выводит общее правило, сохраняющее свое значение и в наше время (хотя мы теперь излагаем его в других терминах): «Отсюда слѣдуетъ непремѣнное правило, что *всѣ вѣтви одного дерева* (или, что тоже самое, извлеченныя изъ одного и того же корня) *наращеніями своими* (то есть окончаніями и предлогами), *представляютъ разныя понятія; но корнемъ своимъ говорятъ одно и тоже*» [2: 104].

При объяснении существенного смыслового тождества корней *въщ-* и *свѣт-* Шишков опирается еще на одно общее правило: «...мысль человѣческая при названіи новыхъ вещей руководствовалась примѣчаемымъ ею сходствомъ или подобіемъ съ другими названными уже вещами, и потому означала ихъ подобными же звуками, такъ что гдѣ понятія смежны, тамъ и звуки, изъявляющіе ихъ, или одинаковы или близки между собою» [2: 105]. Действительно, метафора, синекдоха и метонимия – это основа переноса значения с одного предмета на другой, и Шишкову нужно лишь (!!!) доказать смежность понятий, выражаемых этими корнями. Надо отдать ему должное: Шишков делает это с отменным остроумием. «Что такое *въщать* или *вѣтовать*? изъявлять мысль свою голосомъ, словами, или знаками. А что дѣлаетъ *свѣтъ* (отъ котораго произошли вѣтви *свѣтитъ*, *разсвѣтатъ*, *освѣщать*, *свѣча*, *свѣтлость*, и проч.)? Прогоняетъ мракъ, и открываетъ зрѣнію нашему вещи, которыхъ безъ него, въ темнотѣ, не могли мы видѣть и различать. Онѣ для насъ несуществуютъ; мы не знаемъ ни вида, ни величины, ни состава ихъ, доколѣ *свѣтъ* не *возвъститъ* намъ о нихъ, какъ бы сказывая или вѣщая: *это камень, это дерево, это кустъ, это птица, это звѣрь*. И такъ ясно, что *свѣтъ* и *въщаніе* одинъ корень имѣютъ, и потому одно и тоже понятіе представляютъ» [2: 108-109].

Между вторым и третьим коленами, то есть между корнями *свѣт-* и *свят-* также существует смежность понятий и, следовательно, тождество корней: «Можем ли мы иначе представить себѣ *святость*, какъ не въ лучахъ, въ сіяніи, въ

свѣтъ? не есть ли то нѣкоторая неразлучная принадлежность или свойство *святости*? Даже и въ живописныхъ изображеніяхъ не помощію ли лучей, то есть *свѣта*, отличаемъ мы лица святыхъ? И такъ когда понятія о *свѣтъ* и *святости* толь смежны между собою, то и переходъ отъ одного понятія къ другому подобному же, дѣлающійся посредствомъ малаго измѣненія того же самаго корня, какъ здѣсь, такъ и въ другихъ многихъ словахъ (чему мы выше сего показали примѣры) весьма очевиденъ» [2: 112].

Если слову *свѣтъ* соприсущно понятие вещанія, то оно столь же соприсущно и словамъ четвертого колена с корнемъ *цвѣт-*: «*Свѣтъ*, освѣщая вещи, *вѣтуетъ*, *вѣщаетъ* намъ: *это бѣлая, это зеленая, это желтая*, и проч.; но и сама вещь, озаренная свѣтомъ, не *вѣтуетъ* ли, не *вѣщаетъ* ли намъ: *я бѣлая, я зеленая, я желтая*, и проч.? Она *вѣтуетъ* или *вѣщаетъ* сіе только при *свѣтъ*, поелику въ темнотѣ мы не можемъ различать цвѣтовъ; они невидны, и слѣдовательно молчатъ; не сказываются, не *вѣщаютъ* о себѣ. И такъ разность между *свѣтомъ* и *цвѣтомъ* состоитъ токмо въ томъ, что *свѣтъ вѣтуетъ* (вѣщаетъ) о *цвѣтъ*, а *цвѣтъ вѣтуетъ* (вѣщаетъ) о самомъ себѣ, но не иначе какъ при *свѣтъ*. Отсюда явствуетъ, что *свѣтъ* и *цвѣтъ* имѣютъ одинъ корень, и тотъже самый, который составляетъ сущность глагола *вѣтую* или *вѣщаю*, поелику и *свѣтъ* и *цвѣтъ* оба *вѣтуютъ* или *вѣщаютъ*» [2: 113-114].

Столь же легко и остроумно доказывается тождество корня пятого колена *вѣд-* с предыдущими: «Мы не можемъ иначе приобрѣтать *вѣденія*, какъ посредствомъ нѣкоего *вѣтованія* или *вѣщанія* нашимъ чувствамъ: я услышалъ о случившемся приключеніи, и съ того времени сталъ *вѣдать* оное; но почему сталъ я *вѣдать*? потому что мнѣ объ ономъ *возвѣстили*. Я прочиталъ письмо, и съ того времени сталъ *вѣдать* содержаніе онаго; но почему сталъ я *вѣдать*? потому что оно *возвѣстило* мнѣ о томъ. Я увидѣлъ камень, и съ того времени сталъ *вѣдать* величину его, но почему сталъ я *вѣдать*? потому что видъ его мнѣ *это возвѣстилъ*» [2: 114-115].

Еще проще было Шишкову доказать тождество корней *вѣд-* и *вид-*: «Ибо хотя *вѣденіе* (происходящее, какъ выше разсуждаемо было, отъ *вѣтованія* или *вѣщанія* предметовъ) получаемъ мы всѣми чувствами, слухомъ, вкусомъ, обоняніемъ, осязаніемъ: однакоже болѣе всего чувствомъ *видѣнія* или зрѣнія. Оно вспомошествоваемое воображеніемъ и памятію, есть источникъ многихъ нашихъ *вѣденій* или познаній. Отсюда въ глаголахъ *вѣтовать*, *вѣдать* и *видѣть* существенные, смыслъ слова заключающіе въ себѣ звуки *вѣт*, *вѣд* и *вид*, не суть разные корни, но одинъ и тотъже, подвергающійся измѣненію для перехода отъ одного понятія къ другому смежному съ нимъ: отъ *вѣтованія* къ *вѣденію* и отъ сего къ *видѣнію*. Отсюда въ словахъ: *свѣтъ*, *вижу*, *вѣщаю*, *вѣдаю*, господствуетъ такой умъ и согласіе мыслей; ибо *свѣтъ* (вмѣщающій въ себѣ понятіе о *вѣтованіи*) есть причиною, что мы *видимъ* предметы, которые *вѣщаніемъ* своимъ производятъ въ насъ *вѣденіе*» [2: 117-118].

Помимо установленія чисто смысловыхъ связей между корнями Шишков прибегает и к фонетической аргументации. Так, сходство чередований *вѣщать* — *вѣтія* — *вѣсть*, с одной стороны, и *видѣть* — *вижу* — *зависть*, с другой, «показываетъ тѣсноту связи сихъ колѣнъ» [2: 119].

Оставшуюся, и немалую, часть статьи Шишков посвящает установленію родственныхъ связей корня *вѣщ-* со словами другихъ языковъ. Он привлекает слова греческаго, латинскаго, итальянскаго, французскаго, англійскаго, немецкаго, датскаго, шведскаго, голландскаго языковъ. Иногда родственные связи

установлены, точнее, угаданы правильно, как в случае с русск. *видѣть* и лат. *vidēre*. Однако чаще основанием для утверждения о родственности слов служит наличие в словах одинаковых «существенных согласных букв» и близость семантики. На этом основании объявляются однокоренными русск. *вѣщать* и лат. *vaticinari*, *fatum*, *vox*, франц. *prophetie*, нем. *wissen* и мн. др. Шишков не различает исконные французские или немецкие слова от заимствованных из греческого или латинского, с легкостью расправляется с гласными звуками, ничего не знает об истории согласных звуков (но об этом еще никто не знал в его время). Вот образец его рассуждения: «Мы вездѣ въ производствѣ изъ корня колѣнъ и вѣтвей видимъ, что корень измѣняется, и знаемъ тому причину, ибо безъ сего не могъ бы онъ произвести толикаго числа вѣтвей. Но при всѣхъ сихъ измѣненіяхъ въ нашихъ и чужестранныхъ словахъ, простирающихся за тысячу и болѣе, вездѣ видимъ, что коренныя согласныя буквы *vt*, часто, а начальная *v*, при всѣхъ вѣтвяхъ постоянно пребываетъ, и всѣ изъявляемыя сими вѣтвями понятія или одинаковы или смежны между собою, такъ что одно отъ другаго удобно рождается. Какъ же изъ сего согласія мыслей не почувствовать единства и связи всѣхъ языковъ? Здѣсь Латинское *vox*, значащее голосъ, принадлежитъ безсомнѣнія къ сему корню по нижеслѣдующимъ причинамъ: 1е, буква *v* (*v*) изъявляетъ уже оный; 2е, въ произшедшихъ отъ слова *vox* непосредственно вѣтвяхъ, таковыхъ какъ *votum* &c. (см. ниже сего), обѣ согласныя буквы *vt* (*vt*) паки являются; 3е, *голосъ* и *вѣтованіе* (вѣщаніе) суть смежныя понятія, поелику ни *голосъ* безъ нѣкоего вѣщанія, ни вѣщаніе безъ голоса быть не могутъ» [2: 129-130].

Все эти приемы сближений и способы рассуждений не заслуживают серьезной критики; они остались бы в истории науки как некий донаучный казус, если бы за ними не стоял один общий методологический вопрос: в какой мере необходимо и необходимо ли вообще привлечение иноязычного славянского и индоевропейского родственного материала для решения вопросов собственно русского словообразования? Сам Шишков был убежден в положительном решении этого вопроса, однако в силу ошибочности его этимологических разысканий мы не найдем у него убедительных примеров, на конкретном материале подтверждающих эту мысль. Будем считать постановку этой проблемы завещанием Шихкова следующим поколениям лингвистов.

Литература

1. Шишков А. С. О предлогах // Известия Российской Академии. Книжка вторая. В Санктпетербурге, в Типографии Императорской Академии наук, 1816.
2. Шишков А. С. Рассмотрение корня в произведенных от него ветвях // Известия Российской Академии. Книжка пятая. В Санктпетербурге, в Типографии Императорской Академии наук, 1817.
3. Шишков А. С. Продолжение исследования корней. Корень *mal* // Известия Российской Академии. Книжка шестая. В Санктпетербурге, в Типографии Императорской Академии наук, 1818.
4. Шишков А. С. Руководство к сочинению словопроизводного словаря. СПб., 1831.